

Аркадий Тимофеевич Аверченко

Косьма Медичис

Аркадий Тимофеевич Аверченко

Косьма Медичис

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=615925
Аверченко А.Т. Рассказы: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-29281-3*

Аннотация

«... Меня очень рассмешила эта ироническая улыбка нашего быта: резиновых калош нельзя достать ни за какие деньги, а хозяин магазина упорно продолжает их рекламировать.

Так как хозяин стоял тут же, у дверей своей сокровищницы, я спросил его:

– Зачем вы рекламируете калоши «Проводник»? ...»

Содержание

Аркадий Аверченко

4

Аркадий Аверченко Косьма Медичис¹

Бродя по Большой Морской, остановился я у витрины маленького «художественно-комиссионного» магазина и, взглядевшись в выставленные на витрине вещи, сразу же обнаружил в этих ищущих своего покупателя сокровищах разительное сходство с сокровищами в знаменитой гостиной Плюшкина.

Я даже не погрешу против правды, если просто выпишу это место из «Мертвых душ».

«...Стоял сломанный стул и рядом с ним часы с остановившимся маятником, к которому паук уже приладил паутину. Тут же лежала куча исписанных мелко бумажек, накрытых мраморным позеленевшим прессом с яичком наверху, какая-то старинная книга в кожаном переплете, лимон, весь высохший, ростом не более лесного ореха (тут, на витрине, было полдюжины таких лимонов в банке из-под варенья), отломленная ручка кресел, кусочек сургуча, кусочек тряпки, два пера, запачканные чернилами, зубочистка совершенно пожелтевшая, – а из всей этой кучи заметно высовывался отломленный кусок деревянной лопаты и старая подошва са-

¹ Намеренно искаженное автором имя одного из богатейших флорентийских меценатов – Козимо Медичи Старшего (1389 – 1464).

пога».

Это, если вы помните, было у Плюшкина. Буквально то же самое красовалось на витрине, но с прибавкой небольшого, крайне яркого плаката, стоявшего на самом выгодном месте, посредине... Плакатик изображал разноцветного господина, держащего в одной руке сверкающую резиновую калошу, а пальцем другой указывающего на клеймо фирмы на подошве: «Проводник».

Меня очень рассмешила эта ироническая улыбка нашего быта: резиновых калош нельзя достать ни за какие деньги, а хозяин магазина упорно продолжает их рекламировать.

Так как хозяин стоял тут же, у дверей своей сокровищницы, я спросил его:

– Зачем вы рекламируете калоши «Проводник»?

– Где? – удивился он. – Это? Помилуйте. Да это картина.

Мы это продаем.

– Как продаете? Да кому ж это нужно...

– Покупают. Повесишь в комнате на стенке, очень даже украшает. Видите, какие краски!

В торгашеском азарте он снял с витрины господина, указующего перстом на сверкающую калошу, и преподнес это произведение к самому моему носу.

– Вот она, картинка-то. Купите, господин.

Я вспомнил свою петербургскую квартиру, украшенную Репиным, Добужинским, Билибиным, Ре-Ми, Александром Бенуа, – и рассмеялся.

– А в самом деле, не купить ли?

Раз наступает такая дикариная жизнь, что скоро будем ходить голыми, то для украшения наших вигвамов хорош будет и юркий господин, сующий под нос обаятельно сверкающую калошу.

В этот момент к нам приблизился незнакомец в темно-зеленом пиджачке в обтяжку и соломенной шляпе-канотье...

Он на секунду застыл в немом восхищении перед господином с калошей, снял шляпу, самоуверенно обмахнулся ею и спросил:

– Что ж вы мне прошлый раз, когда я покупал картины, не показывали этой штуки? Занятно!

– Купите! Замечательная вещь, – захолопотал хозяин, почуввав настоящего покупателя. – Настоящая олеография! Это не то что масляные краски... Те – пожухнут и почернеют... А это – тряпкой с мылом мойте – сам черт не возьмет!

– Цена? – уронил покровитель искусства, прищурившись с видом покойного Третьякова, покупающего уники для своей галереи...

– Четыре тысячи.

– Ого! И трех предовольно будет. Достаточно, что вы прошлый раз содрали с меня за женскую головку «Дюбек лимонный» – шесть тысяч.

– Та ж больше. И потом на картон наклеена – возьмите это во внимание!

– Ну, заверните. А фигур нет?

– То есть скульптуры? Очень есть одна стоящая вещь: «Диана с луком».

– Садит, что ли?

– Чего?

– Лук-то.

– Никак нет. Стреляет. Замечательный предмет (хозяин сделал ударение на первом слоге) – настоящий, неподдельный гипс! Вещь – алебастровая!..

Когда меценат, закупив часть живописных и скульптурных сокровищ, довольный собой удалился, я сделал серьезное лицо и спросил:

– Скажите, фамилия этого нового покровителя искусств – не Косьма Медичис?

– Никак нет, совсем напротив: Степан Картохин. Они тут у портного в мастерах служат и огромные деньги нынче вырабатывают: до восьмисот тысяч в месяц! Известно, девать некуда, вот они в валюту все перегоняют – вещи покупают. И опять же искусство любят.

И почувствовал я, что все мы, прежние, до ужаса устарели со всеми нашими Сомовыми, Добужинскими, Репиными, Обри, Бердслеями, Ропсами, Билибиными и Александрями Бенуа.

Шире дорогу! Новый Любим Торцов² идет!

² *Любим Торцов* — герой комедии А. Н. Островского «Бедность не порок», малообразованный, промотавшийся купец, не лишенный тем не менее стремления к культуре.

Бумажки бьют из его карманов двумя фонтанами, и в одной руке у него сверкает всеми цветами радуги «Дюбек лимонный», в другой – «Покупайте калоши “Проводник”»!

*Ars longa, vita brevis!*³

³ Искусство долговечно, жизнь коротка (*лат.*).